

18+

ДЕВОЧКА
В
ОДНИХ
КРОССОВКАХ

Феева Ди

21+

Феечка Ди

Девочка в одних кроссовках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70499500

ISBN 9785006021372

Аннотация

«Она живёт в вечном кошмаре в плену собственного разума и своих желаний. Её жизнь крутится вокруг фетиша, который поглотил её настолько, что теперь она постоянно думает только об этом. Рита не знает, как вырваться из порочного круга. Как прекратить свои страдания, которые при этом же приносят ей небывалое наслаждение. И с каждым годом проблема становится всё серьёзнее и глубже. Кто знал, что одно безобидное действие в детстве приведёт к таким последствиям». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Девочка в одних кроссовках

Феечка Ди

© Феечка Ди, 2025

ISBN 978-5-0060-2137-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Рита бракованная. Неправильная. В её голове что-то сломалось давным-давно. И ничего с этим не поделать. Что ужасно, это навсегда. Она испытывала непреодолимую тягу к тому, что не должно вызывать тягу, тем более сексуальную. Она сидела на скамейке где-то в спальном районе, буквой «П» окружала её мрачная серая шестнадцатизэтажка. Телефонный звонок.

– Рита, ты где шляешься? – спрашивала её подруга.

– Гуляю. – Действительно гуляла, только цель у неё другая.

– А предупредить не хочешь? Ну что ты опять шароёбишься там хуй знает где?! Я волнуюсь вообще-то!

– Саш...

– Ладно. Просто не шуми, когда придёшь домой... Блять, ну поздно же уже, хули ты попёрлась-то?!

– Мне не заснуть будет. Мне нужно подышать свежим воздухом. – Рита врала отчасти.

– Ну... – Вздох. – Ну, ну приходи не сильно поздно, ага? Хоть до двенадцати вернёшься? Сейчас половина десятого, ты уж нагуляешься, я думаю. Так-то плюс пять. Ты тепло оделась?

– Тепло. Всё нормально.

– А то смотри мне! В прошлый раз простыла! И музыку

громко не слушай, не забывай головой по сторонам вертеть.

– Ага. – Она согласилась, лишь бы поскорее закончить этот разговор.

– Ох... ну ладно, не пропадай только. Пока.

Сашка положила трубку. Рита молча взглянула в треснувший экран своего старенького «Айфона». А сейчас... Рита сняла чёрную бейсболку, вытащила из кармана чёрного пуховика чёрную же маску, надела её. Поправила чёрное каре. Натянула бейсболку. Зачем-то разгладила руками синие широкие джинсы. Кинула взгляд на свои ноги, облачённые в цветные розовые с фиолетовым кроссовки на белой массивной подошве. Которые даже не её, а какой-то другой девчонки. Стоили две сотни рублей на барахолке, чуть малы. И пусть они немного узковаты, они милые. Рита вытянула ноги вперёд и посмотрела на кроссовки, прикусила нижнюю губу. Хоть былые чувства прошли, она всё равно испытывала удовлетворение. Грязные шнурки на этих миленьких розовых кроссовках с цветными вставочками никто не развязывал уже очень давно.

Поправила лямки чёрного рюкзака. В кармане куртки лежал пакет, чтобы быстро достать его в случае чего, вдруг ей подвернётся какая-нибудь пара обуви. Как хорошо, что Риту никто не знал в этих краях, в этой маске тем более никто не поймёт, что это она. Рита как невидимка легко потеряется в толпе, если люди будут смотреть на неё. Ей всё равно будет стыдно, и она всё равно будет чувствовать вину, но она

исчезнет, растворится во дворах и среди людей. Этот набор одежды как раз для вечерних прогулок, чтобы никто не смог узнать её, если вдруг увидит. Хоть и район совсем не тот, где она живёт, и не тот, где она работает.

Встала со скамейки, воткнула проводные чёрные наушники себе в уши, но не включила музыку. Так она чувствовала себя не столько в безопасности, сколько в своём мире. Неуютном, кривом и неправильном, но уж какой есть. Который всё равно намного лучше, чем школьные годы. Даже если она уже четыре года не учится в школе, этот кошмар постоянно с ней. Выпустилась, сбежала, пропала с радаров, вынырнула где-то в другом городе и потерялась из всех видов, не имея ни знакомых, ни друзей, ни даже родственников. Беда тут только одна – Рита брала везде саму себя.

Третью неделю подряд девчонка промышляла, новое увлечение – шататься по дворам, ходить вдоль домов и осматривать помойки. Гуляла в субботу и воскресенье по вечерам, иногда удаётся и в будни, например, по средам. В четверг мусор уже вывозят. В субботу вечером ещё есть шанс что-то найти, мало ли, может, ей повезёт сегодня. Рита вышла на свою тихую охоту. И её даже потряхивало немного от осознания, что она снова пошла по этим делам. Некоторый адреналин бил ей в голову, по телу пробегали мурашки. Девчонка медленно шла в сторону местной помойки.

В баках рыться она не будет, она так не делала. А вот если вдруг кто-то оставит пакет с обувью... Женская, конеч-

но же, попадаетея гораздо чаще. Как хорошо иметь самый ходовой тридцать восьмой размер ноги. Всегда можно найти какие-нибудь кроссовки. Если обувь достаточно широкая, то и тридцать шестой иной раз налезет. Без носочка так точно. Ещё стельки можно выкинуть, тогда точно налезет. И Рите даже думать об этом приятно. Вот бы найти какую-нибудь пару кроссовок. Особенно белых старого типа, как те самые лёгкие кроссовки с физкультуры... О которых она грезила весь восьмой класс. Такие красивые, как жаль, что с ними не удалось познакомиться.

Рита оглядывалась по сторонам – тишина, покой. Изредка по полю проходили те, кто выгуливал собак, но это всё ерунда, им некогда. Никто не обращал внимания на обычную непримечательную девчонку в светлых цветных кроссовках, которые ей чуть малы. Никто не знал, что она несла в своей голове каждый день. Никто понятия не имел, что она чувствовала, и как сильно её внутренний мир пропущен через мясорубку. Все эти люди вокруг даже близко не поняли бы её, никому не нужно знать о внутреннем мире Риты. Пусть люди живут дальше своей нормальной жизнью и не трогают никогда это похотливое порождение изувеченного детства, не сталкиваются с чудовищем.

На первой помойке ничего ценного. Мужские ботинки вызывали только отвращение вперемешку с ненавистью, они всегда ассоциировались только с неприятностями. Рита прошла через тёмные дворы, где никого нет. На следующей по-

мойке тоже ничего ценного. Кто-то бы, наверное, уволок разбитый плоский телевизор, но ей такая ерунда не нужна. Пальчики ног уже немножко болели, ведь им тесновато в этих милых кроссовках, но что поделать, ради любви можно терпеть любую боль. Миновала и третью помойку – пусто. Мусор вывезли, ничего нет, чистота такая, что даже обидно. И четвёртая помойка в очередном дворе её тоже не порадовала.

Девчонка прошла в следующий двор и смотрела по сторонам, мусорные контейнеры сегодня выкатили из подъездов, боковым зрением на верхушке открытого бака заметила что-то характерное в полупрозрачном пакете. Рассматривать его некогда – надо хватать и бежать! Сердце колотилось, адреналин бил с разбегу в голову, Рита молниеносно вытащила пакет с какой-то обувью и быстрым шагом ушла в темноту очередного двора, где практически растворилась в тишине. Нашла себе место в глубине детской площадки, где сейчас никого. Села на скамейку, тусклого света хватило, чтобы всё можно было разглядеть. От предвкушения Риту колотило, она медленно развязывала пакет.

Невероятная удача! И думать об этом даже страшно, Рита аж вспотела. Вот это адреналин! Пакет такой увесистый, с ума сойти. Сколько же там... Она оглядывалась, вокруг никого. В пакете пять. Пар. Кроссовок. Две мужские сразу же отлетели в сторону – и размер не тот, и фасон не для неё совершенно, да и некрасивые они. А вот оставшиеся три...

Одни красные высокие кеды как будто из крокодиловой кожи, кто-то это носил на полном серьёзе? Дурацкие предпочтения. Вторые тоже не настолько красивые, чтобы оставить себе. Этой девочке, которая их носила, явно никто не привил чувство вкуса, носить такие помои, которые даже в состоянии новых выглядели как тормозные колодки от жигулей. А вот серые на белой подошве... На бирке написано «Тридцать восемь». Они дико грязные, что с них аж сыпется, они в удручающем состоянии, но... они прекрасны.

Да, им плохо, но можно подклеить и подшить. Да, у них убитые задники, но когда бы это волновало Риту? Да, у них невероятно грязные светло-зелёные вставки, но от этого только приятнее. И даже ничем не пахнут, только землёй, как же обидно! Но тут дело не в запахе. Рита снова посмотрела по сторонам, вокруг никого нет, пустой двор. Не раздавались даже звуки чужих шагов вдалеке, ничего. Никто её не видел среди детской площадки. Красные кеды отправились в пакет ко всему остальному. А вот эти грязные кроссовки... Девчонка вытащила босую ножку из цветных милых кроссовок и с трепетом надела обновку. Ножка смотрелась в них ещё прелестнее. На лице Риты появилась похотливая улыбочка.

Следом шла и вторая кроссовка. Вот с этими кроссовками случилось попадание в десятку, они великолепны. Рита развязывала шнурочки. Она вытащила ножку из своих миленьких светлых розовых кроссовок с цветными вставочками,

чуть влажную и тёплую, и сунула во вторую найденную... По телу прокатывалась дрожь, Рита прикусывала губу, на лбу выступил пот, дыхание перехватило. Девчонка резко свела ноги вместе, её трясло от удовольствия, вцепилась руками в сидушку. Это настолько прекрасно, что она не в силах сопротивляться. Чуть не вскрикнула от ощущений. Смотреть на свои ножки в этих потрясающих грязненьких кроссовках она может бесконечно долго.

Какое-то время она сидела без движения и только тяжело дышала. Вокруг по-прежнему никого нет, можно только услышать, как проехала машина где-то вдалеке. Рита не сдержалась, дала себе волю, выпустила свои эмоции. Но вслед за этим всегда наступал момент, когда ей стыдно за свои пристрастия. Рита в драных грязных кроссовках шла к мусорному контейнеру и выбросила в него тот пакет, в котором теперь на одну пару меньше. Закинула в рюкзак розовые кроссовки с цветными вставочками. Жалко было даже снимать их, но что поделать, уж очень хотелось попробовать новенькое, да и пальчикам приятнее, уже не тесно, а в самый раз. Разве что Рита сейчас ощутила, как у неё в промежности столько смазки, что даже немного не по себе. Девчонка надеялась, что дальше это не разойдётся, всё-таки она не забыла прокладки, как знала. Уж не первый день она мастурбирует где-то в городе.

Сейчас ей ужасно стыдно и приятно одновременно, всегда так после лавины удовольствия. В таком состоянии она

не могла смотреть на себя в зеркало, ведь чувствовала она себя паршиво. Страшное изувеченное чудище, отвратительная маленькая дрянь во всех смыслах, кусок самого конченного извращённого говна. Из Риты получился брак, а бракованных никто не любит. Девчонка лишь вздохнула – что толку смотреть в прошлое и думать о причинах. Что есть, то есть. Ничего больше не оставалось, кроме как жить дальше, каждый раз собираясь по кусочкам обратно в хоть и маленького, но целостного человечка.

Она шла по тихим улицам и дворам спального района, ей предстояло ещё две помойки на стандартном маршруте, и можно заканчивать, садиться в автобус и ехать в привычное Рыбацкое, в свой уже домашний микрорайон. И тут возле бака Рита заметила пакет, в котором виднелись очертания чужих носочков. Точно есть беленькие короткие, похоже, что чистые. На какой-то момент девчонка потеряла бдительность, схватила пакет в руки, извлекла оттуда белый носочек и поднесла вплотную к маске, чтобы понюхать. Чужой гардероб... в этом есть что-то особенное, интимное. Кажется, в пакете не только носочки, там ещё всякое. Рита решила немного покопаться... Вдруг её окликнул какой-то парень!

– Эй, извини, не хотел тебя напугать. – Он выглядел обычно, среднего роста, лет, наверное, двадцать пять или тридцать, так и не разобрать. Явно вышел из дома, чтобы мусор вынести и покурить, выдают его наспех обутые белые кроссовки с потрескавшимся кожзамом без носков, домашние се-

рые спортивные штаны, большая серая кофта из того же набора с двумя жирными пятнами.

– Я не... я не... – Рита растерялась. Застукали её на месте преступления! Какой позор! Теперь она никогда в жизни не отмоется от этого. Это конец, кто-то увидел её на помойке, как она роется в чужих вещах!

– Я тебя уже третью неделю тут по вечерам вижу. – Он выкинул мусорный пакет, звенящий пустыми бутылками, остановился рядом и продолжил курить. – У тебя всё так херово в жизни, да? Приходится шататься по помойкам, совсем туго с деньгами?

Но Рита встала как вкопанная, вжала голову в плечи, не в силах издать ни звука. Почему она думала, что сейчас на неё будут орать? Или этот парень изобьёт её? Девчонка готова ко всему. Только робко сжала в руках находку. Рите очень хотелось, чтобы парень просто испарился. Но вместе с тем...

– Да, довольно странное место для знакомства... Как тебя зовут? Как ты дошла до жизни такой?

Но Рита чем больше молчала, тем больше нервничала. Она уже хотела провалиться сквозь землю, куда-нибудь исчезнуть и раствориться в темноте. Но ей страшно даже пошевелиться.

– Прости, ладно, твоё дело. – Он уже развернулся, чтобы уйти, но услышал, как Рита всхлипнула. – Ты чего? Всё вот настолько плохо, да?

А что она могла сказать? Только виновато кивнула. Заметила, как парень смотрел на неё, и его взгляд остановился на грязных драных кроссовках.

– Понимаю.

Она не слышала уже ничего. Он всё разгадал и увидел, что она сломанная во всех отношениях. И всё, что она может делать – это реветь. Сжимать пакет в руках и реветь, больше как-то ничего. Пусть уже делает свои дела и уходит. И Рита в покорности закрыла глаза, слёзы не переставали бежать. Чувствовала, что он приблизился к ней. Что ж, она готова. Даже опустила маску, чтобы...

Он положил руку ей на плечо и вытер её слёзы, смахнул их своим грубоватым указательным пальцем.

– Как тебя зовут? Я Андрей.

Она не могла выдать ни одного слова, только чувствовала ужасную вину. Значит, он просто побьёт её, это не так плохо, значит, скоро всё закончится.

– Кофе будешь? – Он снова спросил у неё. И она только кивнула. – Пойдём?

Рита уже не уверена, что будет дальше. И насиловать тоже, вроде, не собирается. Зачем она ему тогда? Она же отвратительная, со своими ужасными пристрастиями, со своим уничтоженным внутренним миром. Зачем ему это? Зачем ему чудовище? Девчонка может только кивнуть. Реветь она так и не перестала.

И он привёл её к небольшой палатке с шавермой, где

круглосуточно можно поест и попить. Заказал ей капучино. Спросил, хочет ли она есть, получил утвердительный кивок. Тогда заказал еду.

– Ты стесняешься, что ли?

Молча кивнула. Плакала без перерыва.

– Ты сегодня хоть ела вообще? Ты даже в пуховике такая тощая.

Рита отрицательно покачала головой. Она и правда сегодня ничего толком не ела. Был куцый завтрак, яишенка, на этом всё. Хотела бы поужинать, когда приедет домой, но когда же это будет.

– На улице прохладно уже. Да и тебе надо прийти в себя, расскажешь, что у тебя случилось? Может, пойдём ко мне? Конечно, я редко кого-то к себе так приглашаю, но я же вижу, что тебе нужна помощь.

Рита согласилась с ним. Потому что всё самое худшее уже случилось, он узнал о её пристрастии, хотя лучше назвать это болезнью. Она такая одна в своих проблемах, нет больше никого более сломанного. Пусть уже делает с ней всё, что захочет. Хоть она и не любит мужские ноги, только ножки прекрасных девочек. Особенно как у Марины в восьмом классе, когда она...

– Я знаю, что это дико странно, но... блин, тебя дома бьют? Ты чего такая зашуганная вся?

Её никто не бил дома уже четыре года, как она уехала в другой город. Но память об этом жива как никогда.

– Блин, вот же уроды! Ох, чувствую, что твоя история...

Рита начинает рыдать. Как этот парень смог понять по ней столько? Нашёл её больные точки, не то, что нажал туда, просто... разгадал их. Или это так очевидно? Но на сердце так тяжело, давящее ощущение в груди, в горле непроходимый комок. Она ни слова не могла сказать, только мычала и ревели, захлёбывалась слезами. А уж когда этот едва знакомый парень обнял её, разрушая всё выстроенное кое-как личное пространство, у неё случилась истерика. Рита начисто забыла обо всём, что она вообще думала. Как он может обнимать её, она же чудовище! И от этого ей стало ещё хуже.

– Всё нормально, давай, поплачь и успокойся. Сколько же в тебе это копилось, не с кем поделиться?

– Ы-ы-ы-ы... – Первый звук, который она пыталась превратить в нормальное слово, вышел каким-то воём.

– Так, уже лучше. Ладно, всё хорошо, давай, вдох-выдох, помедленнее, давай, дыши.

Так Рита хоть немного пришла в себя. Они стояли уже возле входа в подъезд.

– И я до сих пор не знаю, как тебя зовут.

– Рита... – Ей стыдно смотреть на него.

– Молодец. Ну ты как? Знаю, что для первой встречи у нас несколько странные обстоятельства... но, кхм, я могу выслушать тебя за стаканчиком кофе. И ты хоть немного успокойсь.

– Хорошо... – Ей всё ещё кажется, что дело закончится

полным дерьмом. Но она хотела пойти с ним. Он увидел её на помойке с пакетом чужого белья в руках, но так на это отреагировал, будто ничего страшного не произошло. И с такой добротой к ней парни обычно не относились. Не верилось, что кто-то может по-настоящему понять её. Да и пусть будет как будет. Рита про себя решила, что в крайнем случае просто ему отсосёт, может, они ещё и потрахаются, не худшее завершение этого всего.

Живёт Андрей на первом этаже, далеко ходить не надо. Он прошёл в квартиру, она неуверенно зашла за ним, закрыла дверь за собой, но в смятении встала в прихожей. На её ногах сейчас откровенно грязные кроссовки. И сама она надела их на голую ножку. Не думала же она идти в гости!

– Рита, ты раздевайся, проходи на кухню.

– Прости меня. – Она сняла левую кроссовку и вытащила испачканную босую ножку. И правую тоже вытащила испачканную. Кроссовки эти в ужасном состоянии, да ещё были настолько в уличной грязи, что и внутри у них всё плохо. Так стыдно Рите давно не было.

– Ох, я не думал, что дела у тебя херовые аж настолько. Пойдёшь в ванную?

И опять она не сказала ни слова. Стояла босиком на полу, плакала. Она показала кому-то свои ножки... что он вообще сейчас думает о ней? Она ведь невыносима. Как так можно было опозориться! Рита поплелась в ванную. Открыла кран с холодной водой и стала отмывать ножки от следов

грязи. В дверь постучали, она тут же приоткрылась – Андрей передал ей бежевые домашние тапочки. Женские. Женские домашние тапочки в форме балеток с красным бантиком... Чужие...

Всё вокруг напоминало невероятный сон. Парень принёс ей чужие домашние тапочки, которые носила какая-то девушка! Такое... это что-то волшебное. Рита наспех стряхнула с уже чистых ног воду, как могла, и очень осторожно просунула ножку в эту замечательную чужую обувь. И они даже сохранили запах. Чувства невероятные. Конечно, не так ярко, как было всего минут двадцать назад, но... но всё равно Рита намокла. Так это смотрелось, так её ножки великолепно сидели в этих балеточках... Откуда же Андрей может знать, что происходило в душе у девчонки, и почему она так сильно любила чужие кроссовки, чужую обувь и вещи в принципе. Взять хотя бы тот случай на физкультуре...

– Рита, приходи на кухню, как закончишь, хорошо? – Доносился голос неподалёку.

– Да. Сейчас...

Между ног у неё сейчас так влажно, что от этого тоже ей стало не по себе. Так хорошо ей давно уже не было, чтобы вот сразу, да ещё ножки, да влажные, и чтобы пальчиками можно было почувствовать эти прекрасные балетки...

Рита выходит из ванной.

– Рит, эти тапки гостевые, если что. Остались от бывшей, так что она против не будет.

– Хорошо. – И про себя добавила, что у бывшей хороший вкус. Приятные тапочки.

Андрей поглядывал на неё временами, пока возился на кухне и делал кофе себе. Ему было немного забавно с той ситуации, что эта девчонка принесла ему домой тот пакет с одеждой бывшей девушки, который он как раз вынес на помойку этим вечером. Вышло всё настолько странно, уж такого знакомства он точно не ожидал.

– Рита, если не хочешь, то не рассказывай, конечно, но что у тебя случилось?

– Я? А, извини, я просто... – Да что ж такое, она снова плакала. – Прости.

– Страдаешь чувством вины?

– Да. – Она засматривалась на свои ножки. – Я...

– Настолько нет денег, что тебе приходится с помойки вещи тащить, потому что у тебя семья алкашей, которые и кормить тебя забывают, колотят?

– Я... – Она нервно сглотнула. – Я... мне... я так устала, прости... – Он в этот момент хотел что-то сказать, но Рита продолжила. – Я чудовище, прости меня. Я... – Неужели она собиралась это сказать вслух? – Мне... мне нравится...

Она смотрела на парня, и тот не хотел перебивать такой момент.

– Я... мне нравятся вещи... чтобы... ну... – Всклип. – Чтобы они... их носили... И... тот пакет... там есть носочки, и я...

– А, тот пакет? Так это от бывшей осталось, я всё выгреб у себя из коробок. А что? Тебе нужно? Забери да и всё. Просто не понимаю пока, что именно у тебя случилось.

– Я... мне... – Рита отвернулась, спрятала ножки под табуретку. – Я люблю чужие вещи, и чтобы девушка носила их, и кроссовки люблю, чтобы они...

– Ого! Неожиданно довольно. Так ты..., ты только за этим ходишь? Или что?

– Да. – Рита вытерла нос и всхлипнула. – Я... мне приятно...

– Тебе приятно от чужих вещей?

– Да. Прости. – Неужели она вообще рассказала ему об этом, да как теперь ему в глаза смотреть?

– Ну и что в этом страшного? Не очень гигиенично, но... как бы и что? И ты поэтому так переживаешь?

– Да. – Еле сдержалась, чтобы снова прощения не попросить. – Потому что... у меня... у меня к этому... – Закрыла глаза. Вздых. – У меня сексуальное влечение...

– Никогда не слышал о подобном. – Андрей сел за столик напротив неё. – Ты ешь только, не забывай, окей?

– Да. – Рита скромно развернулся шаверму. – Спасибо.

– Но мне жуть как интересно, что это такое, ты же расскажешь? Вообще ни разу не слышал, что это может быть. И если ты испытываешь желание именно к вещам, то... ну, ты представляешь же, что их кто-то носил? Тебе это важно?

– Да. Очень. Я... – Бросила на Андрея короткий взгляд. –

Я... эти тапочки, они же от твоей бывшей девушки, да? Они очень приятные.

– Ну тапки как тапки. А как это, когда ты испытываешь влечение к одежде? Или к обуви? Что ты чувствуешь?

– Наверное... – Рита вздохнула. – Когда... – Она отвернулась. – Ты... ты правда хочешь услышать это? – Получила от парня согласие. – Тогда...

Глава 2

Рита сидела дома, решала примеры из алгебры за девятый класс и слушала, как ругаются родители. Но волновало её совершенно не это. Волновали её только те бело-розовые кроссовки на мусорном контейнере, которые она увидела сегодня днём. Думала о них постоянно. Не знала, что с этим поделать, но думала без перерыва. Думала и когда ела, и когда говорила с кем-нибудь. Рита постоянно держала в голове те бело-розовые кроссовки. Рядом с общежитием... наверняка их носила какая-нибудь студентка. Сейчас только восемь часов вечера. Может... не может, а нужно свинтить из дома на пятнадцать минут. И почему она их сразу не забрала?! Струсила, как и всегда.

Родителям некогда, им всегда некогда, у них не находится времени на Риту. Какое им вообще дело до собственного ребёнка. Девчонка оделась и без шума ускользнула в своей чёрной одежде с чёрным же рюкзаком на спине в подъезд. Спешила – вдруг те кроссовки уже кто-то умыкнул или выбросил! Обычно мусор вывозили по четвергам и воскресеньям, а сейчас среда. Девчонка быстрым шагом направилась в сторону заветных контейнеров. Дорога каждая минута, Рита идёт как в тумане. Ей будет очень больно, если она поймёт, что кроссовок больше нет, она себе после этого места не найдёт и снова будет корить себя за то, что не забрала

обувь сразу, как заметила.

Заветный двор, Рита торопилась, почти бежала... кроссовки на месте! Никто их не тронул. В восемь вечера в какую-то среду посреди мая никому нет дела до этих кроссовок, к счастью. Пришлось подождать пару минут в стороне, пока случайные прохожие не исчезнут из поля зрения. И только теперь... Рита чувствовала, как кружится голова.

Как же страшно и одновременно невероятно приятно просто взять их в руки. Даже когда она быстро закинула их в рюкзак, уже могла ощутить этот слегка сладкий аромат чужих женских ножек. Кроссовки влажные – днём прошёл небольшой дождь. И от этого уже Рита готова вылететь на орбиту от предвкушения. Мало того – кроссовки ей должны быть идеально по размеру, за тот миг, пока она убирала их в рюкзак, успела понять очень многое. Теперь же быстрым шагом Рита направилась домой. Так уже хочется насладиться находкой! Они такие приятные, манящие, красивые и очень привлекательные.

Как влюблённая она почти бежала домой, окрылённая чувствами к этим драным старым кроссовкам какой-то девчонки из общежития. И эта мысль её тоже будоражила. Ключ в замок, Рита зашла в квартиру. Родители всё ещё ругались и вообще не заметили временного отсутствия ребёнка. Они очень многое не замечали в её жизни, да и не слишком-то хотели. Девчонка прошла к себе в комнату, достала из рюкзака... нет, это не просто обувь. Само божество носило их, спу-

стилось с небес и одарило Риту. Видно, что засранные – никто их ни разу не стирал, шнурки от грязи даже с трудом развязываются. Задники уничтожены, а по всей розовой ткани идёт желтовато-коричневый след. Кроссовки эта незнакомка носила круглый год, да не один. И подошва стёрта в двух местах уже достаточно сильно. Стельку вообще никто никогда не мыл, это уже не стелька, а отвратная кривая мочалка, пропитанная потом насквозь. Зато она сохранила не только отпечатки этих пальчиков, но и божественный аромат чужих ножек. Рита бережно проводила ладонью по влажным кроссовкам. Вдохнула аромат. От удовольствия закрыла глаза. Ей стало так жарко. Она глубоко задышала.

Бело-розовая левая кроссовка быстро оказывается на ноге. И от нахлынувших чувств Рита едва не сошла с ума. Прохладная кроссовка, это невозможно передать словами, восхитительно и неповторимо. О эти пальчики, что касались стельки! Углубления после пальчиков такие, как раз под ножку Риты... Как же много девочка их носила...

Рита вздрогнула. Эти кроссовки... больше, чем просто обувь, даже куда круче, чем тогда на физкультуре. Рита лежала на спине, чувствуя эйфорию, держала правую кроссовку на животе. Не хочется больше ничего на свете. Лишь бы они были наедине. Рита едва слышно постанывала. Некоторое время она лежала в покое, в теле только чувство полного счастья, экстаза, запредельного удовольствия за гранью вселенной. Это лучшее, что было с ней в ближайшие годы.

Таких кроссовок она не видела и не чувствовала никогда. А здесь всё сошлось как нельзя лучше.

После удовлетворения без единого прикосновения Рита пришла в себя. Счастье сменилось отвращением в первую очередь к самой себе. Она невыносима. Настоящее чудовище, такое не должно существовать, все эти кроссовки нужно выбросить. Почему нельзя выбросить себя? Надо зачем-то жить. Зачем? Такое похотливое животное, как она, не заслуживает жизни. Рита стянула кроссовку с ноги, отодвинула находку в сторонку. Снова это ощущение собственной мерзости. Рита расплакалась. По щекам катились слёзы и падали ей на ноги. Она в очередной раз поддалась своим чувствам. Опять она это сделала, что с ней вообще не так? Почему она такая исковерканная? Неправильная во всех отношениях дрянная девчонка, похотливая девка, которой нужен только этот фетиш в жутко изменённом виде. Рита испытывала ненависть к самой себе. Села в угол, обхватила руками колени и заревела. Ей хотелось выть от того, что она чувствовала. В каком противоречии находилась всегда сама с собой. Она обожала чужие вещи, а уж кроссовки сводили её с ума. Но почему каждый раз так больно после того, когда так хорошо? Она не знала ответа, боялась хоть кому-то задать вопрос, ведь её никто не сможет понять. Она действительно одинока. Марина больше не с ней. Фетиш у Риты иногда заходил очень далеко.

Некоторое время спустя она всё-таки очнулась. В квар-

тире слишком тихо. Девчонка заглянула в коридор и увидела, что отец куда-то резко собирался. Они никогда не были близки, ему вообще дела до ребёнка нет, но сейчас в его глазах застыла печаль. Какое-то время они переглядывались. Затем отец дальше принялся складывать свои вещи стараясь не глядеть на собственную дочь. Он вышел за дверь молча, скрылся, сбежал и бросил тут всё. Рита смотрела на закрытую входную дверь пару минут, может, больше. В голове у неё пустота, отсутствие всего, даже мыслей нет. Затем пришла на кухню, где сидела на табуретке заплаканная злая мать. Очень тихо.

– Я... – Рита хотела понять, что случилось. Кроме того, что ссора вышла из-под контроля.

– Свали нахуй!

– Он больше не придёт, да?

– Блять, свали нахуй отсюда! – Даже не посмотрела на дочь.

Рита ушла. Раз так нужно, она ушла, что она тут ещё может сделать. Закрылась в своей комнате и снова подошла к кроссовкам, которые так и манили её. Хотелось побыть с ними ещё немножко. Девчонка с трепетом и особой любовью надела левую кроссовку на босую ножку, залюбовалась – до чего же она хорошо смотрится. Этот милый грязный розовый с подтёками. Там были чужие пальчики. Правая кроссовка такая же великолепная. Порвана сбоку, носок отклеился. Если постараться, то можно показать свой боль-

шой пальчик наружу, так здорово. Эти кроссовки будут для сухой погоды. Рита привстала на носочках, никак не могла налюбоваться.

Всегда в те моменты, когда жизнь давала очередную трещину, Рита обращалась к своей зависимости. Любой стресс, любые переживания – кроссовки приходили на помощь. Если дела шли совсем плохо, то и здесь кроссовки выручали её. Маленькая отдушина в этом мире, полном страхов, жестокости, обид и обмана. Под подушкой у девчонки тоже были припрятаны белые старые кроссовки. Она в них спала. И один чёрный короткий носочек, как одно из самых дорогих воспоминаний прошлого года. Этот носочек Рита берегла больше собственной жизни.

Если у одноклассниц период полового созревания шёл по плану, то Рита выбилась из всех норм даже здесь. И к седьмому классу она поняла для себя то, что мучило её с начальной школы. К седьмому классу она окончательно осознала свой фетиш и свои пристрастия. Прямо сейчас Рита снова заглушала свои переживания. И во второй раз она делала себе очень хорошо. Только уже дольше. А затем старое знакомое ощущение собственной безнадёжности. Но в этих кроссовках так хорошо, это успокаивало всё же быстрее.

В квартире по-прежнему слишком тихо. Рита не знала, что с этим делать, но такая напряжённая тишина угнетала не меньше громкой ссоры. Снова отложила кроссовки, вышла из комнаты. Мать всё ещё на кухне, но уже почти в об-

нимку с бутылкой водки.

– Мам?

Молчание.

– Мам, тебе плохо?

– Отъебись! – Она чуть ли не рычала. – Вечно ты, блять, путаешься под ногами, когда не надо!

– Ладно. Просто хотела сказать...

– Я сказала, чтобы ты отъебалась, вопросы? – Даже не взглянула на дочь.

– Прости.

Уже не так больно слышать это. Пару лет назад Рита плакала несколько часов, а сейчас... ну, сейчас уже нет такой проблемы, уже даже вошло в привычку. Мать вообще когда-нибудь бывала в настроении? Но это всё можно пережить. Это всё скрывается, если помочь самой себе. Если каждую проблему чем-нибудь закрывать, замещать своё состояние, как-то компенсировать. И Рита компенсировала, как могла. Организм уже и сам был рад подкинуть ей новую порцию гормонов. Она страдала от неуёмного желания. Ей очень хотелось близости, но так уж вышло, что привязалось это не к тому, что нужно, сломалось и вывернулось под неправильным углом.

Снова одна в комнате. Снова с кроссовками на ножках. Тут никакие другие проблемы больше не имеют значения. Отец ушёл из семьи – ну и что? Мать считала ребёнка за пустое место – какая разница? Главное – Рита с теми кроссов-

ками, которые ей теперь так близки. Даже стоптаны в ту же сторону, в какую она стаптывала свою обувь. Если у неё вообще есть хоть одна собственная пара новой обуви. Ведь новых кроссовок она не видела даже в раннем детстве.

Девчонка лежала на кровати на животе и болтала ножками, никак не могла нарадоваться. Весь мир отходил на второй план. Она снова влюблена. Конечно, с первой её любовью, теми белыми кроссовками из третьего класса, ничто не сравнится, там всё было очень серьёзно и на долгие годы, а сейчас это так, мимолётная влюблённость и приятные отношения. Сейчас они побудут вместе какое-то время, а потом эта пара отправится в коробку, где хранились другие немногие пары чужих кроссовок с чужих прекрасных ножек. Только чёрный короткий носочек стал тем, что отпечаталось в сердце Риты навсегда.

Бело-розовые кроссовки от тепла ножек стали больше пахнуть даже на расстоянии. Эта девушка явно следит за собой. Если тогда у одноклассниц кроссовки воняли, то здесь... Рита наслаждалась этим моментом. Только она и кроссовки. Прекрасные, милые, нежные и сладенькие. Не хотелось больше ничего, кроме как сидеть в них, периодически снимать и снова надевать. Проводить большим пальчиком левой ножки по ткани или грязному потрескавшемуся коззаму. Этот момент только для неё. Жаль, что некому рассказать о своём счастье. И не с кем поделиться таким. Далеко не каждый поймёт её пристрастия. Так что ни-

чего больше не оставалось, кроме как признать свою странную особенность и жить дальше. Ну вот такая она. Хоть и стыдно каждый раз после того, как становится очень хорошо. Стыдно до дрожи, до боли. Почему-то ещё и очень тоскливо. Она чувствовала себя ужасно виноватой. И так вышло, что чувство вины рука об руку шли с этой дикой любовью. Проблемы будут потом. А пока... у неё самое лучшее свидание с милыми грязными драными бело-розовыми кроссовками какой-то прекрасной девушки...

Рита закончила свой рассказ, у неё не хватило смелости посмотреть на Андрея. Она ждала только жёсткого негатива, оскорбления, не удивилась, если бы он её побил, но вместо этого Андрей только посочувствовал ей:

– Рита, да тебе... как бы сказать, не от хорошей жизни это у тебя. Мало того, что этот твой фетиш, так и дома не всё в порядке. Тут бы и мне было не по себе.

– Что?... – Она будто бы сама не поверила тому, что сейчас услышала. – Извини. Я... ну... я никому ещё, а тут меня как прорвало, и я... извини, я... – Всклип. – Ты первый, кому я это рассказала во взрослом возрасте.

– Спасибо за доверие. Это самое странное знакомство в моей жизни. И тема для разговора у нас самая необычная. Знаешь, почему я к тебе подошёл?

– Почему? – И она до сих пор до конца не уверена, что он разговаривал с ней нормально. Может, он просто не пол-

ностью понимал?

– Твой взгляд, как ты всего опасешься. Третью неделю подряд каждые выходные ты стабильно мониторишь помойки, да и в будни заглядываешь ещё иной раз, а просто так никто ходить не будет. И при этом ты следишь за собой же. Опрятная, красивая девушка, а зашуганная вся, у тебя сплошная боль во взгляде.

– Правда? То есть...?

– Если в первую неделю я не особо обратил внимание, ну всякое бывает, я как-то с помойки старый видак забрал и компьютер, что такого, то на вторую уже странно наблюдать такую девочку на помойке. Согласись же? – Он допил свой кофе. – А судя по тому, как ты пошла за мной и даже не возразила...

– Да. Всё настолько плохо. Я ужасна. Я чудовище. – Рита бы ещё поплакала, да сил уже почти не осталось на это. Довериться незнакомому человеку, и не просто кому-то, а парню! – Я что... ты хочешь сказать, что я не так... не так чудовищна? Прости, я... меня несёт, прорвало, я же никому...

– Всё хорошо. Рита, не волнуйся. Я за свои тридцать лет столько повидал всякого. Что такого в том, что ты испытываешь такую страсть к чужой одежде и кроссовкам? Ну в самом деле, это же довольно безобидно, если смотреть в отрыве от твоих ощущений после того, как ты удовлетворишь себя.

Девчонка смотрела на него с большим удивлением. Он

не то, что не оттолкнул её или не оскорбил, а отнёсся к ней как к нормальному человеку. И она такому поверить ну никак не могла и постоянно ожидала подвоха. Но ведь Сашка, подруга и соседка по квартире, тоже относилась хорошо. Пусть и грубовато временами. Рита спохватилась – надо ей написать!

– Ой, прости, мне нужно написать моей подруге, что я... что я задержусь. Если ты не против поговорить ещё немного. Я никогда ни с кем не делилась этим... своим пристрастием...

– Пока что диалог с тобой входит в первую десятку самых интересных и охренительных диалогов в моей жизни. Такого я точно никогда не слышал. И вижу перед собой только сломанного человечка, которому нужна помощь. На фоне твоих проблем мой развод кажется делом пустяковым даже. – Он усмехнулся. – Мне своё легко починить.

– Спасибо... – Рита очень осторожно достала телефон из кармана, отвернулась и принялась набирать сообщение Саше. – Она будет волноваться, что я опять ночью где-то не дома и опять попаду в какую-нибудь жопу. Ничего удивительного.

– Ты часто попадаешь в жопу? Есть не забывай, у тебя сейчас весь лаваш промокнет.

– Да, хорошо. Извини. – Она вдруг испуганно смотрит на экран. Звонит Саша. – Ох...

– Что такое?

– Да Саша... она звонит и хочет поговорить, а я как бы...

– Да ладно тебе, ничего страшного.

Рита сняла трубку. Естественно, Саша начинает волноваться ещё больше. Задерживаться в гостях у какого-то парня может быть опасно! Но Андрей успокоил обеих – если Саша хочет, она тоже может приехать, и они вместе поболтают, ему скрывать нечего, он готов всё выложить как есть. На такое предложение девушка согласилась. Конечно, это тоже довольно странно, но после совместного житья с Ритой она уже привыкла к самым разным странностям, особенно к пристрастиям подруги. После недолгого телефонного разговора Андрей задал закономерный вопрос:

– Так Саша в курсе твоих историй?

– Не совсем. Она... я стараюсь при ней делать это всё как можно меньше. Не хочу напрягать её. Да и... Я и так держусь, хотя она носит красивые мягонькие чёрные «пумы» с фиолетовыми вставочками, у неё есть белые кеддики «Таймджамп», которым очень плохо, а ещё... – Рита чуть-чуть улыбнулась, когда подумала об этом. – У нас практически один размер, и она... она взяла у меня... – Девчонка облизала губы. – Белые рибки, которые... которые я сама... купила у другой девочки. У Саши просто плохо с деньгами, и она платит по кредитам. Ей нужна была обувь. А у меня... Я доверяю ей. Поэтому достала белые «рибок классик», которые выглядят прилично. И купила я их за пятьсот рублей! Понятно, что они были грязенькие, но ради Саши... я почистила их,

постирала, сняла шнурочки и тоже постирала, жалко было немного. Ну...

– Потому что они потеряли свой шарм, да? И остались без запаха?

– Да! Ты понимаешь меня...

– Ну я просто сопоставляю одно с другим. – Андрей с интересом смотрел на Риту. – Ну и я вижу, что это значит для тебя. Ты отдала что-то очень близкое тебе, да?

– Да. Очень. – Девчонка посмотрела на свои ножки в тапочках, пошевелила пальчиками. – Они не были мне так дороги, конечно, как самые первые кроссовки. Вот те... это моя первая любовь. Которая стала взаимной. Мы встретились. Всё-таки. – Она грустно улыбнулась, по щеке скатывается слеза. – Прости.

– Та самая первая любовь из третьего класса?

– Да... ты помнишь из моего рассказа, это так... – Рита отвернулась и говорила уже в сторону. – Моей первой любовью были кроссовки девочки из второго класса.

Глава 3

Рита сидела за письменным столом, смотрела в какую-то художественную книгу, но совсем не могла сконцентрироваться на чтении. Почему-то кроссовки девочки из второго класса не выходили у неё из головы. Просто они были классные, и Рита хотела бы себе точно такие же. Но жизнь заставляла носить то, что перепало. Их семье особо выбирать не приходилось, что отдадут, что принесут, то и будет. Папа с мамой работали с утра до вечера, но денег в семье всё время не хватало. Поэтому маленькой Рите приходится мечтать о хороших вещах, красивых и новых. Не то, что её старые треснувшие кеды, в которых удобства ровно столько же, сколько в тормозных колодках. Те белые кроссовки просто были красивые, да ещё и новые. Хотелось так, как у других детей – поехать в магазин и купить, попросить что-то и выбрать самой.

Ещё Рита мечтала о длинных волосах до пояса, а не о том каре, которое она носила. За длинными волосами уход нужен, большой расход воды, больше шампуня. Про всё остальное и думать не приходится. Здорово было бы много чего делать и много чего иметь, но что есть, то есть. Что может сделать ребёнок в третьем классе? Ей даже неловко ходить к подружке, потому что там Риту постоянно угощали чем-нибудь вкусным. Дома это самое «вкусное» было только

по праздникам, и то по пальцам пересчитать. По правде говоря, и праздниками-то это тоже сильно не назвать, скорее, попойка.

А ещё в гостях есть добрая тётя Ира. И Рита всегда завидовала тому, насколько у них хорошо. В их семье денег было не сильно больше, но само отношение... Рита надеялась, что когда-нибудь папа с мамой перестанут так много работать, мама не будет больше поносить Риту на чём свет стоит, они найдут достаточно денег, чтобы хотя бы по вечерам быть дома и уже так не будут беситься со всего подряд, и срывать-ся по мелочам. И смогут тоже обнимать её, как тётя Ира обнимала Дашку, саму Риту тоже. У них дома приятнее находиться, атмосфера совсем другая. Атмосфера того, что она нужна. Рита не могла никак вчитаться в текст, закрыла книгу. А в голове так и маячили эти кроссовки, которые ей нравились.

На следующий день в школе она снова в раздевалке оказалась одновременно с той девочкой Катей из второго класса. Снова загляделась на её кроссовки. До чего классные, фирменные, красивые и, похоже, невероятно удобные. Понятно, что они жизнь уже повидали немного, но Рита бы согласилась и на такие.

– Кать?

– А? – Она не удивилась. С Ритой они немножко общались на переменах, да и чуть ли не соседки всё-таки.

– А сколько эти твои кроссовки стоят?

– Ну... – Она пересчитывала в голове ценник по нынешнему курсу. – Ну, они стоили сто пятьдесят баксов. В пересчёте на рубли это будет четыре с половиной.

– Ох. – Рита понимала, что её родители столько денег никогда не потратят на обувь в принципе, и крутых кроссовок не видать ей никогда. – Круто. Везёт тебе.

– Такие же хочешь? У нас просто их не продают. Ну или заказывать надо с eBay.

– Ну, тогда это мне тем более не грозит. – Вздохнула, что тут ещё поделать. – У меня и компьютера нет.

– Да я знаю. Тяжко у вас. – Катя задумалась и на секунду задержала задумчивый взгляд на Рите. – Ладно, мне пора.

Они разошлись. И Рита осталась как обычно в своих мыслях, что у неё больше нет никаких вариантов. Значит, и купить эти кроссовки невозможно, осталось только мечтать.

Вечером дома на кухне снова идут непонятные и сложные разговоры у родителей. Они всё время выплачивали какие-то кредиты, долги по коммуналке, постоянно в проблемах, оба работали чуть ли не по двенадцать часов в день, а то и без выходных ещё, но денег всё равно не хватало. Мама постоянно проклинала своего отца. Наверное, он в чём-то виноват, что маме пришлось разгрести его долги. Рита устала уже слушать это всё. А лезть к родителям со своими разговорами и своими детскими темами совсем не хочется. Девочка остаётся одна со своими проблемами. Даже если на самом деле эти темы уже постепенно становятся совсем не детски-

ми. Некому задать вопросы относительно себя и того, что с ней происходило.

Осталась только подруга Дашка. Рита взяла домашний телефон и ушла в свою комнату. Ладно хоть звонки с домашнего на домашний ничего не стоили, да и сейчас у каждого уже сотовый есть, поэтому то, что Рита занимала стационарный телефон, никому не мешало. Набрала номер, подождала как обычно пару гудков – а вот и Дашка.

– Алё, Даш! Знаешь...

– Что такое? – Голос Дашки обеспокоенный. Понимала Риту с полуслова.

– Просто... да мама с папой опять там на кухне свои эти кредиты обсуждают. Не хочу их отвлекать, а кому я ещё могу довериться? Только тебе.

– Я тебя внимательно слушаю. Ты же знаешь.

– Даш..., в общем, со мной что-то не так. Я не понимаю...

– Чё не понимаешь?

– Да вчера у меня башка кружилась, сегодня я какая-то странная, а ещё... – Рита аж боялась говорить об этом. – У меня кровь... оттуда...

– Что?! – Тишина в трубке на пару секунд. – Рита?! Кровь?! Как?! В смысле?!

– Я не знаю! Мне страшно, Даш! Почему у меня идёт кровь?!

– Так... так маме скажи об этом!

– Ага, хрен там, она опять отмахнётся от меня и скажет,

что я надумываю, а я не надумываю! Ещё ругаться на меня будет! – Рита старалась говорить тише. – Извини. Мне не с кем поделиться этим, кроме тебя.

– Блин... блин... я не знаю, Рит, я могу у своей мамы спросить. Наверное, она знает, что это такое. Или погоди... Могу в интернете посмотреть.

– Давай. Я буду на трубке висеть.

Рита чувствовала, как у неё опять начинал болеть живот. Снова пойдёт кровь? Из-за этого? С животом что-то не так?! Девочка пугалась, но рассказать об этом маме она не могла. У них и так денег нет ни на что, на жизнь еле хватает, ни к чему тут ещё одни проблемы. Да и если расскажет, то может случиться всё наоборот – наорут и внушат, что сама виновата. Поэтому Рита предпочитала держать всё в себе.

– Рит? – Спустя некоторое время Даша снова взяла трубку. – Походу, у тебя месячные.

– Мне же всего девять! Какие месячные!

– Такие! Ну, ранние. Бывает такое. Ты вон как вымахала в прошлом году. У тебя и грудь уже стала появляться. Девки из класса вон все плоские, я тоже. Погодь, я ещё спрошу тогда, повиси немного. – Слышно, что отвернула трубку от себя, и слова легко разобрать. – М-а-а-а-м! А во сколько обычно это... а, ага. Ну, это нормально, да? Рановато? А ещё что? Живот болит? – Трубка вернулась в прежнее положение. – Рит, а живот у тебя как болит, внизу, да?

– Угу. Иногда так болит, что хоть на стенку лезь.

– Ты взрослеешь. Рановато, мама сказала, но это нормально. Если бы у тебя они в восемь начались, то, как мама говорит, тогда было бы плохо. А так... ну просто рано. – Приглушила трубку. – А? А, окей, я спрошу у неё. – Вернула. – Рита, мама хочет с тобой это обсудить. Придёшь?

– Приду.

Долго об этом говорить не нужно. Рита быстро собралась, заглянула на кухню, где до сих пор сидели родители и о чём-то говорили.

– Мам, пап, я к Даше пойду. – Рита выглядела виноватой, будто сделала что-то плохое.

– Ну иди. – Мама сцедила это сквозь зубы. – До десяти только вернись.

– Хорошо.

И снова мама не в настроении, но её тоже можно понять. С такой мамой ни о каких месячных говорить не хотелось. Обсуждать такие моменты, как дорогие кроссовки из-за границы за сто пятьдесят долларов – тем более. Об этом вообще забыть можно. По дороге к Дашке Рита снова думала о том, что те белые кроссовки с чёрными вставками у Кати, должно быть, ещё и очень удобные. Не то, что её раздолбанные чёрные кеды, лопнувшие по бокам и протекающие в любой дождь.

Дома у Дашки как всегда тепло и уютно. Что говорить, у них даже цвет обоев отдаёт теплом, в этом доме всё иначе. Конечно Рита завидовала, но по-доброму. Ещё в коридоре

она заметила свою старую куртку, висящую на крючке.

– О, наконец-то эта куртка тебе как раз, да?

– Да! – Дашка встала в дверном проёме. – Ну я тебя догону по росту, чё ты думаешь. – И улыбнулась.

– Здравствуйте, тётя Ира! – Рита поздоровалась с вышедшей из кухни мамой Дашки, скинула с ног кеды и прошла в просторную гостиную. – Вы хотели со мной поговорить?

Конечно это неправильно, когда другая мама рассказывала чужому ребёнку о том, что с ним происходило. Такие разговоры очень хорошо бы вести с родителями, но что поделать. Даже здесь Рита чувствовала себя более нужной, чем дома, более важной. Нет ощущения, что будут ругать за просто так, что будут снова сжеживать слова. И чем больше Рита думала об этом, тем больше расстраивалась. Она же хотела, чтобы дома тоже было так хорошо, но так не будет никогда. И уж тем более дома никто бы не дал Рите целую упаковку прокладок и не подождал, пока девочка в ванной справится со своими туалетными проблемами. Тётя Ира подробно рассказала о такой щепетильной теме.

В конце длинного важного разговора о взрослении мама Даши обняла Риту как родную дочь. Девочке так не хватало этих прикосновений, простого родительского тепла и доброты. Чужой ребёнок плакал в объятьях другой мамы. Девятилетняя девочка лишена так нужной ей заботы. Каждое такое прикосновение для неё дороже всего на свете. И от того, что её дома никто не обнимал и не целовал перед сном, что ни-

кто не говорил, какая она хорошая просто так, потому что она есть, Рита плакала ещё сильнее. Ведь что бы Рита не делала, она всё равно лишняя. Понятно, что её появления в семье никто не хотел. А чужая мама относилась к ней так... Практически брошенный ребёнок. И нужный другой женщине больше, чем собственной матери. Когда к объёзкам подключилась ещё и Даша, Рита ощутила себя одновременно и самой счастливой, и самой несчастной на свете.

Тянулись день за днём. Рита ходила в школу, после школы – в кружки. Периодически думала о кроссовках Кати, но понимала, что такое никогда ей не светит. Она уже смирилась с тем, что эти сто пятьдесят долларов никогда ей не найти, родители всё время какие-то дёрганые, к ним вообще не подойти с вопросами, касающимися хоть каких-то трат. Рита уже почти отпустила эту ситуацию. Но в один вторник посреди ноября Катя вдруг подошла к ней на перемене.

– Рита! Помнишь, ты как-то хотела такие же кроссовки, как у меня?

– Ага, помню. Ну и до сих пор хочу. Только не светит мне.

– Я знаю, что у вас денег нет... ну, хочешь, я тебе свои отдам? Просто они мне уже маловаты становятся. – И ей искренне жаль Риту, что той приходилось донашивать вещи за кем-то. – Была бы у меня возможность, я бы тебе новые купила.

– Спасибо, Кать. Мне как-то неловко. Я у тебя их выпросила, получается...

– Да ладно тебе! Всё равно бы их выставили на помойку, если бы я тебе их не захотела отдать. Зайдёшь после уроков? Или у тебя рисование сегодня?

– Вчера было. Я зайду. Спасибо. – Рита не то, что не верила своему счастью, но приятно.

– К чаю ничего не бери, ага? Даже не думай!

Многие знали, что семья Риты испытывала финансовые трудности. А некоторые знали, что ещё и родители плохо ухаживали за своим ребёнком. Выражается это в мелочах, не слишком заметных для тех, кто с Ритой мало знаком. Но люди, знающие её ближе, видели, что ребёнок часто болел, редко ходил в гости, носил часто одну и ту же одежду на вырост. Как девочка смущалась доброты и чужого внимания. И насколько остро она нуждалась в прикосновениях родного человека. Поэтому Дашка старалась обнимать её почаще. Катя, которая никогда близкой подругой не была, и та периодически могла обнять. Что уж говорить, даже довольно грубая и жёсткая одноклассница Марина, иногда дерущаяся с мальчишками, и та один раз обняла Риту на её день рождения. Хоть и трижды при этом материлась.

После уроков Рита пошла вместе с Катей к ней домой. В новостройке, где ещё и вход во двор только через калитку с домофоном, она уже на входе почувствовала себя неловко. Даже в подъезде видно контраст, что уж говорить про квартиру, в которой Катя живёт. Не то, чтобы Рита так хотела. Ей столько всего не нужно, хватило бы и простого уюта. Что-

бы не старые обои из семидесятых и отваливающаяся плитка в ванной, не трещина в раковине, не сквозняки из деревянных рам. И чтобы кровать была удобная, а не старый диван-книжка, доставшийся в наследство после смерти каких-то родственников, кто в этой квартире раньше и жил. Только вместе с квартирой передал ещё и кучу долгов.

Катя подошла к гардеробу и вытащила из обувницы пару тех самых белых кроссовок с чёрными вставками. В хорошем состоянии – она носила их не так часто, уж точно не каждый день, ведь проблем с обувью у неё никогда не было.

– Интересно, тебе будет нормально? Померишь?

– Давай. – Рита как замороженная наблюдала за этим. Её маленькая мечта сбывается.

– Мама не против. Папа тоже. Всё равно они будут мне малы уже совсем скоро. А так хоть тебе ещё послужат, всё не зря. Вон у них даже не протёрлось ничего.

– Блин, так забавно, у меня нога, как у золушки, я выше тебя, а нога меньше. – Рита завязывала шнурки. – Классно. Мне как раз.

Во время примерки Рита немного покрутилась у большого зеркала. Действительно красиво. И сидят на ноге они идеально. Приятно, когда маленькие мечты сбываются. И всё благодаря другим равнодушным людям, только на них Рита и держалась. Естественно, совсем с пустыми руками она прийти не могла, залезла в передний карман своего школь-

ного рюкзака и достала оттуда крохотную шоколадку.

– Держи. – Она протянула её Кате.

– Рита! Я же просила!

– Я не могу же просто взять и прийти с пустыми руками!

Это моё тебе спасибо, и не отмазывайся!

– Ну что ты! Не надо было!

В этот день Рита ушла домой счастливой. В дорогих кроссовках, о которых она мечтала. И настолько они понравились ей, что не хотелось из них вообще вылезать. Родители всё равно на работе, поэтому девочка помыла кроссовки и продолжила ходить в них уже дома, так ей было приятно. Она взяла книгу, которую уже хотела дочитать сегодня, легла на диване на живот и немного поёрзала.

Потёрлась об подушку, лежащую на диване. И сначала не поняла, откуда взялись эти ощущения. Потёрлась ещё раз. И ещё. Это что-то новое. Ощущение повторилось, и она поняла, что в этом есть что-то приятное. Тогда она ещё даже не догадывалась, к чему её приведёт это новое ощущение. Рита связала это не только со взрослением, но и с кроссовками другой девочки, надетыми на босу ногу. А раз это вело к приятному, то почему бы не продолжить? Рита запустила механизм, который изначально заработал неправильно.

Андрей задумчиво смотрел на скромную Риту и всё больше сочувствовал ей. А она только пожала плечами, виновато улыбнулась и принялась есть изрядно промокшую от соуса

шаверму.

– Да уж. – Парень подпёр голову рукой. – Но не только это же сыграло свою роль, да?

– Угу. – Она продолжала жевать.

– Но я не специалист, конечно. Наверное, сексолог бы больше рассказал об этом всё. Неужели с одного такого раза может так всё поехать по жизни?

– Видимо, может. Конечно, не только это. – Рита не успела откусить, ей позвонила Саша. – Ой. А можешь трубку взять, сказать ей, в какой мы квартире? И как к тебе прийти?

– Не вопрос.

Андрей быстро сказал Сашке, куда подходить. Отправился в подъезд и открыл ей двери, пригласил к себе. Естественно, первым делом девушка убедилась в том, что с её подругой всё в порядке. И уже потом она согласилась на домашние тапочки, кружку крепкого кофе и пока что сахарное печенье. Если Рита сидела очень осторожно и тихо, то Сашка влетела как ураган, сама взяла нужную табуретку и села на неё с видом «мне все должны». Её длинные волнистые светлые волосы успели оказаться в кружке с кофе. Она уже оценила обстановку, мимоходом умудрилась познакомиться с Андреем и попросила называть её Саней. Прилетела она в своём растянутом колючем свитере розового цвета и серых домашних штанах.

– Так, я, конечно, знаю, что Рита постоянно хочет влезть в какую-нибудь залупу, но бля! Как вы умудрились познако-

миться?! – Она поняла, что от подруги дожидаться реакции не стоит, поэтому сразу обратилась к Андрею.

– Она уже третью неделю подряд ходит по помойкам и ищет вещи. И особенно кроссовки. – Он смотрел на реакцию Сашки и понял, что она была не слишком-то в курсе. – Так, походу, я только что разболтал тебе какой-то секрет.

– Да блять! – Девушка была по выражению эмоций противоположностью тихой Риты. – Так я и знала! А... ну у неё много кроссовок, да, я не спорю, но... почему особенно кроссовки? Я опять чего-то не знаю, да? – Посмотрела на Риту, и та виновато опустила глаза. – Ну Рит! Ну ёбана! Ну... ты как ребёнок, правда. Почему ты мне не сказала? Я же переживаю!

– Потому что я боюсь об этом рассказывать... – Ей хотелось сжаться в точку и исчезнуть.

– Это ты мне боишься рассказывать? Ты чё? Ты чё, а? – Сашка сердито пила кофе. – Не, я понимаю. Наше знакомство тоже таким себе вышло, охренеть можно. Рит, я же расскажу? Ты не против?

– Нет. Совсем нет. Лучше ты, чем я.

– И правда. Лучше уж я. Потому что когда я встретила её впервые, то Рита была, блять, вся в грязище, с разбитой губой и помятой рожей, в драной футболке и разных кроссовках. И как она говорит, ещё и не своих! Да ещё и у меня день был ебанутый на всю голову, а тут это. На отлично просто. Когда мы встретились два года назад, я понятия не имела,

кого я нашла!

Глава 4

Саша стояла возле выхода из какого-то бизнес-инкубатора на окраине города. Жизнь, вроде, постепенно налаживалась, хотя до нормальной ещё далеко, неплохой сегодня летний день. А так у неё висела над головой куча кредитов. Сама дурочка, конечно, набрала на себя лишних трат ещё в отношениях, чтобы купить парню всё, что ему хотелось, порадовать его максимально. А вышло... по-дурацки вышло, конечно. Глупо даже в какой-то степени. Девушка хотела закурить и вспомнила, что сигареты остались в другой ветровке.

– Блять. – Она только вздохнула и пожала плечами. – Ну хули теперь. Бросать надо.

Ничего не оставалось, кроме как идти к себе домой. Ладно хоть на работу устроилась, но в остальном не слишком-то радостно. Помимо того, что денег нет, ещё и в душе какая-то пустота уже который месяц. Вроде, и отношения были дерьмовыми, и не сказать, что сильная любовь там какая-то была, скорее, Саша обманывала саму себя. Но всё равно после разрыва стало пусто и тоскливо. Не хватало ей кого-то близкого рядом. Конечно, можно было бы вернуться к родителям, но не для того она от них съезжала и уходила от гиперопеки. И считала, что надо справляться с своими проблемами самой в двадцать семь лет, большая уже.

Саша шла домой. Конечно, и дом на большого любителя –

съёмная комната в трёшке в спальном районе, это далеко от того идеала, к которому Саша стремилась. Но она знала, что когда-нибудь добьётся своего, пусть не сейчас, но путь начинается с первого шага. Бросила прошлую работу и пришла на новую, где в пятидневку она спокойно сядет в тепле и даже уюте за компьютер. Платят больше, и люди похожи на адекватных. Не то, что в её прошлом месте работы, где у директора периодически срывало колпак, и он то устраивал утренние собрания с гимном, то вечером заставлял всех в офисе сидеть до упора, пока ему самому не взбрѣдет в голову закончить. Такое самодурство Сашу категорически не устраивало. Поэтому она врезала директору в глаз с криком «левый коронный, правый похоронный!» и ушла, хлопнув дверь так громко и сильно, что у той замок заклинило.

Решила не перебегать на мигающий зелёный и остановилась на светофоре. Кто бы мог подумать, что эта маленькая пауза в сорок секунд сделает так много в её жизни. Как только светофор переключился снова на зелёный, Саша пошла дальше. В эти сорок секунд она бы могла и разминуться со своей судьбой. Но так вышло, что какая-то девчонка буквально сама свалилась Саше в руки, в прямом смысле! Пока она смотрела в телефон и практически не глядела на дорогу, на неё случайно навелась незнакомка и рухнула в объятья, не спрашивая на то разрешения. Реакция Сашу не подвела, да что там, она даже телефон из рук не выпустила, удержала

его в левой, а правой поймала это чудо.

– Ну ебать, это что за нахуй?! – Естественно, такое странное знакомство не могло вызвать у неё другую эмоцию.

– Ой, прстите. – Девчонка подняла голову и встретилась взглядом с Сашей.

– Пиздос. – И этого взгляда ей хватило, чтобы понять, что той сильно нужна помощь.

Незнакомка попыталась улыбнуться. Но вышло что-то настолько вымученное, да ещё с этой разбитой губой и опухшей щекой, что лучше бы она даже не пыталась.

– Эй, ты чё? Эй! – Саша попробовала поставить девчонку хоть как-то прямо. – Охренеть тебя разукрасили. Так... – Она усиленно думала, что делать. – Скорую надо.

– Не надо. Я ужмертва. Мне всёрвно.

– Хуйню не неси. – Саша привела девчонку к оградке, чтобы дать той присесть. – Вон ты живая, только жизнью побитая. С тобой вообще что произошло? Эй?! Тебя как зовут?

– Рита.

– А я Саня. Ну или Сашка. Водички? – Достала из своей сумки маленькую бутылку с водой. Рита неохотно взяла её, но выпивает всё почти залпом. – Ну вот. Лучше?

– Лучше.

– Идти можешь?

– Могу. Но нбуду. – Рита даже не смотрела никуда. Потухший взгляд направлен вперёд. – Оставь меня.

– Что с тобой случилось? Ебать, да ты же пьяная в сраку!

– И ч-т-о.

– Дурища ты картонная. Ещё и в кроссовках разных, ну ты даёшь.

– Я ниibu, чьи они. Я незнаю. – Её пьяная улыбочка, больше смахивающая на гримасу вечной боли, всё говорила о состоянии.

– Ну ты дала, конечно. Куда ж тебя деть-то...

– Кинь меня тут. Нахуй я кому-т нужна.

– Дура ты. Ты где живёшь? Тебя домой отвести? Ты как вообще?

– Какая рзница где я живу. Ни-г-де. Мне так хуёва. – Обречённо смотрела в то же никуда, как и раньше.

– Блять! Тебя из дома выгнали, что ли?! Ну понятно. Что ничего не понятно. – Саша уже не знала, как ей отвертеться. И оставить эту девчонку здесь? Да кто знает, что с ней сделают, она же пьяная в ноль. Уже сделали, судя по тому, что кто-то неслабо разукрасил ей лицо парой ударов. Саше знакомы такие синяки. Хорошо, что не на своём лице.

– Оставь меня. Брось. Я чудвище.

– Иди нахуй. – Девушка закатила глаза. – Ох, за что мне это дерьмо, боже, блять! – На телефоне посмотрела, сколько будет стоить такси до дома. – Ну раз у тебя нет дома, то поехали ко мне. Выспишься, проблюёшься и пойдёшь к себе. Как я тебя оставлю тут. Ты же в говно! Тебя ещё выебут прямо под кустом и не поморщатся!

– Я не в говно. Я прсто говно.

– Блять... – Саша вспомнила, что тащить Риту к себе – не самая лучшая идея. – Так, так так, бля-я-я-ять, так. – Она судорожно пролистывала контакты на телефоне, нашла нужный. Бросить Риту здесь? Немыслимо! – Алло, мам? Мне нужно, чтобы вы меня выручили. Не мне! Я одной девочке помогаю. Она ужралась в ноль просто, она в такие щщи, что еле ноги передвигает. Просто в говнину. Прямо в конченую. Я знаю, да, но как я её брошу?! Её уже кто-то бил по морде! Там два синяка, губа разбита. Она вся грязная, драная, как будто её кто-то по земле катал. Пропадёт же. Да, я знаю, всякое случается, мам, ну что теперь? Бросить её тут? А если мне плохо станет, я слягу и башкой ударюсь, то что тогда? Не могу, мам. Да, беру под свою ответственность. Ко мне не вариант, ты же знаешь. Ну пусть побудет временно твоей дочкой, она красивая. Ладно. Спасибо, мам. – Саша положила трубку. – Повезло тебе, жопа карамельная.

Загрузить пьяное почти спящее тело в такси не так просто, пришлось сначала ещё и встряхнуть его. Хорошо, что по дороге Рита заснула, вынести её из машины не составило труда, Саша до сих пор в хорошей физической форме. А вот поднять её на третий этаж уже оказалось сложнее. Но Саша не привыкла пасовать перед трудностями. Постучалась ногой в среднюю дверь. И когда её мама открыла, то ахнула от увиденного.

– Саша! Это же совсем ребёнок!

– Знаю. Ей лет семнадцать, поди. Это тело уже дрыхнет

вовсю. Кстати, привет. – Девушка внесла Риту в дом. – Куда её?

– Ой, боже, неси её в гостиную, возле дивана тазик уже стоит. – Мама проводила взглядом это зрелище и только покачала головой. – Бедный ребёнок.

– Да она сама мне в руки свалилась! – Саша аккуратно положила Риту на спину и затем перевернула на живот. – Во. Надо хоть кроссовки с неё снять. Боже, она их с трупа сняла, что ли?! Посмотри пока сводки, может, потерял кто. Или ещё какие объявления, я не знаю.

Риту уложили удобнее, кроссовки с босых ног сняли, в чистую пижаму переодели. Причём, из нижнего белья на ней были только трусы. И те задом наперёд. Поиски не дали никаких результатов. Никто Риту не терял. По всем признакам она успешно потерялась сама. При себе у неё оказался телефон с разбитым экраном и паспорт. По паспорту Ульянова Маргарита Михайловна две тысячи первого года рождения оказалась ещё и не очень местной. Но по временной прописке, которая была воткнута в обложку, можно было понять, что приехала она в этот город два года назад. Судя по страховому полису, в местную поликлинику она так и не встала. Приехала, видимо, на учёбу. Но гадать можно бесконечно. Пока это чудо не проснётся, большего сильно не узнать.

Телефон, к счастью, ещё работал, хоть экран у него и разбит. Саша взяла Риту за руку, чтобы зайти в телефон по отпечатку пальцев. Контакт в книге очень мало. Даже ката-

строфически мало. «Ольга Работа», «Яна Работа», «Суши», «Олеся Работа», но нет ни одного «папа» или «мама». Как будто Рита не имеет родителей вовсе. При этом какая-то доверенность от родителей двухлетней давности у неё была воткнута в обложку. Поссорилась? Очевидно. Саша листала содержимое телефона дальше. Последние СМС, последние сообщения – чтобы хоть как-то восстановить картину того, что произошло. Звонок с неизвестного номера вчера вечером. А до этого только спам, автоматический попавший в чёрный список. Рита, похоже, очень необщительный человек.

В «Телеграме» ситуация ещё интереснее. Похоже, что Рита с кем-то ссорилась, судя по переписке. Её соседка по жилю была чем-то очень недовольна, но слишком долго разбираться. Похоже, что Рита брала без спроса её вещи. От коллег с уже, видимо, бывшей работы картина проявилась интересной – Рита получила два выговора за то, что брала вещи, снова. Одна из коллег пригрозила ей физической расправой, если вдруг девчонка возьмёт её... кроссовки? Саша смотрела дальше, ей уже любопытно. Похоже, что к кроссовкам и носкам эта девочка неровно дышала. Тут же Саше пришла на ум давняя знакомая, которая дома имела гардероб и два шкафа с вещами, пока её мужик обходился двумя полками в комод. Но почему Рита брала чужое? Клептоман? Непонятно – в переписках фигурировали только вещи. Ясное дело, читать всё она не стала, только хотела прояснить

хоть что-то об этой девчонке.

Последние фотографии – её ноги в кроссовках. Есть отдельно фотографии обуви. Есть фотографии носков. Мешков с одеждой. Может, девочка занималась ещё и какими-то продажами? Скидывала вещи на барахолках? Кто знает. Многое из этого выглядело логично. Теперь Саше хотелось посмотреть, что там в приложении барахолки. И с догадками она не ошиблась – в объявлениях и архиве висело немало разных вещей. Продавались задёшево... может, и доставались за копейки. Похоже на дополнительный заработок по мелочи. Больше копаться в этом всём не хотелось, общая картина составлена, достаточно.

Проснулось это пьяное чудо через несколько часов, когда наступил поздний вечер. Рита приподнялась на диване, посмотрела по сторонам и, похоже, осознала, что она совсем не там, где помнила себя ещё вчера. Что она в чужой одежде, в чужом доме. Её замешательство быстро увидела сидящая в интернете с телефона Саша.

– Ну, добрый тебе вечерочек, дорогая. – Убрала телефон на столик у телевизора. – Вот ты и очнулась наконец-то. Но мы будить тебя не стали, решили, когда придёшь в себя, тогда и расскажешь.

То, что Рита выглядела ужасно напуганной и растерянной – ничего не сказать. Она щупала себя за лицо и морщилась, особенно там, где разбита губа. Трогала себя между ног через штаны и тоже кривила лицо. Похоже, что у неё там что-

то болело. Подняла голову и заметила, что в дверном проёме показалась ещё и женщина, видимо, мама этой девушки с вьющимися светлыми волосами, и только после этого начала плакать.

– Эй, ну чего ты, всё же хорошо. Ну, ты в порядке, насколько это возможно. – Саша села рядом и взяла её за руку, чем ещё дополнительно смутила. – Рита, ну чего ты? Как себя чувствуешь?

– Простите... – Она сжалась на месте, прятала взгляд. – Простите меня.

– Ну перебухала ты, всякое в жизни бывает, пизды получила. Но что у тебя случилось? Я так, сколько могла, столько восстановила то, что у тебя было. Но ты же лучше расскажешь?

– Как я здесь оказалась? – Выглядела она как очень виноватый ребёнок, даже катастрофически виноватый чуть ли не в гибели вселенной.

– Я тебя принесла на руках, потому что ты бухая в сранину свалилась в меня посреди улицы.

– Ой... ох... – Она только сейчас поняла, что натворила каких-то дел, которых сама не помнила. Кроме вчерашнего утра, и то частично. – Простите меня, пожалуйста...

– Ну ты хоть паспорт свой и телефон не просрала, и то хорошо. Есть хочешь? Мама котлетки...

При слове «мама» Рита разрыдалась. Чего она больше всего на свете хотела – чтобы мама была рядом. Любящая на-

стоящая мама. Как у этой девушки, имя которой она совсем не помнила. Слишком много потрясений свалилось на Риту в это время, она ревела каждый день, да не по разу. Не было у неё перед глазами хороших примеров, как справляться с жизненными неурядицами. Не было у неё и нормальной семьи, кто бы мог поддержать. Снова другие люди. Обычные равнодушные люди, у которых, конечно же, своих проблем хватало. А тут ещё в руки им свалилась пьяная девчонка со следами побоев, замечательнее некуда.

Успокоить Риту хоть как-то удалось минут через двадцать совместными усилиями. Мама Саши пожалела девчонку, особенно когда увидела, как той плохо. Рита действительно чувствовала себя отвратительно, это видно. А мама не смогла стоять в стороне и смотреть, как плачет ребёнок, пусть и взрослый. Всё равно Рита ведь была чьим-то ребёнком. Похоже, что нелюбимым. Худая, избитая, волосы расчёпаны, синяки под глазами. Прятала взгляд, тихо говорила, зажималась и закрывалась от всего, даже от добрых прикосновений. Жизнь её потрепала во всех отношениях.

На кухне девчонка хоть перестала плакать, да и видно по ней, что голодна. Домашняя еда от кого-то – это уже целое событие в её жизни. Ела она хоть и аккуратно, но с большим аппетитом. И выпила две больших кружки чая. Постепенно приходила в себя и сердечно поблагодарила своих спасительниц.

– Спасибо вам. Спасибо. Если бы не вы... – Она держа-

лась, чтобы снова не расплакаться. – Не знаю, что бы со мной было. Спасибо, что принесла меня к себе...

– Да ладно, знаешь, был бы у тебя хоть какой-то контакт в телефоне, я бы тебя отдала в нужные руки. А так не буду же я тебе на работу звонить, правильно? У тебя всё настолько плохо с роднёй? И с друзьями?

– Я не хочу даже вспоминать о своей родне. – В голосе прозвучала злость. – Да и друзей у меня нет. Как оказалось. Я снова ошиблась. – Чуть не добавила «простите».

– Ну вот поэтому я ещё с тобой так обошлась. Ты что, реально тут одна?

– Да. Теперь у меня даже соседки нет. Я всё испортила. Потому что я – чудовище. – Рита даже боялась в какой-то степени оставаться с этими добрыми людьми. Вдруг она бы сделала что-то плохое или принесла неприятности этой семье.

– Да почему?! Что ты там такого наворотила, что ты чудовище?

– Я... – Ей так неловко об этом говорить. – Я... я беру чужие вещи, мне нравится их носить. Когда...

– И всё? – Саша ожидала чего-то большего.

– Да... – Она снова замкнулась.

– Тьфу ты, а я уж думала, ты там студенток по пакетам суёшь и в Фонтанке топишь, а ты просто любишь трогать и носить чужую одежду?

– Да... – И про себя добавила «и испытываю к ней сексу-

альный интерес».

– Ну и ладно, что ли. Ты вот в моей пижаме сейчас, например, что с того?

– Да... да ну... можно мы не будем об этом...

– Знаешь... – Саша переглянулась со своей мамой, они кивнули друг другу. – Если тебе совсем некуда идти, то ты можешь пока перекантоваться тут.

– Вы настолько добры ко мне, я этого не заслуживаю. Я не заставлю вас долго меня терпеть. – Рита при любых проявлениях доброты ещё больше впадала в уныние. Мама Саши в этот момент подключилась к разговору.

– Всё в порядке, Рита, мы поможем тебе встать на ноги.

Всегда же проще, если есть, на кого опереться.

– Простите меня. – Ей так стыдно, что эти люди проявили к ней столько доброты и заботы, а она ничего не может сделать в ответ. – Пожалуйста.

– Ну что ты, ребёнок...

Да. Рита однозначно расстраивалась от проявления заботы. Держалась до того момента, пока её чужая мама ребёнком не назвала. Снова. От родной матери не было ни одного доброго слова за все эти годы, а тут чужие люди. В который раз.

Андрей слушал эту историю и понимал, что Рита – это ходячая беда. Но почему? Неужели дело всё только в фетише? Не совсем, конечно.

– Да, история, конечно, нарочно не придумалась. – Он встал с табуретки и подошёл к шкафчику. – Вам ещё кофе сделать? Или чай лучше? – Сначала посмотрел на Сашку, которая сразу сказала «чёрный, если есть», потом взглянул на Риту, и она уже подумала какое-то время, но тоже ответила «чёрный». Девчонка посмотрела на часы.

– Ребят, уже так поздно. Может, кто-нибудь хочет спать? Я и так уже засиделась. Саша вообще за мной приехала. Я испортила всем выходные. – Она тут же встретила осуждающий взгляд подруги.

– Да блин! Дай мне тоже пообщаться с молодым человеком, алло! Ты ему ещё не рассказывала же, почему ты была в то самое говно, в котором я тебя поймала?

– Нет... может, не надо? – Рита уже пожалела, что вообще начала об этом всём говорить.

– Не, ну ты как хочешь.

– Ну... – Она немного подумала, выдержала паузу. – Ну... у меня был слишком плохой день тогда. По-своему хуёвый, как в седьмом классе. А тут ещё и таблетки от ребёнка надо было купить.

– В смысле?! – Сашка не знала этого момента.

– Я была беременна, Саш.

Глава 5

Рита уволена. Она сидела на скамейке возле торгового центра и смотрела куда-то в пустоту, но взгляд направлен себе под ноги. Её пристрастие к вещам и особенно кроссовкам до добра не довело и здесь. Кто-то из девчонок с работы застал её с чужими кроссовками. Вообще была очень дурная затея искать момента и подбираться к сменной обуви Олеси. Очень. Добром это кончиться не могло, но... так хотелось. Рита снова пошла на поводу у своего фетиша и была застукана на месте преступления. Её и так терпели на уровне того, что, вроде, работала и ладно, как-то планы выполняла по продажам, как-то задерживалась и вела себя как молчаливый робот. Но здесь... Рита могла только вздохнуть. Значит, она в этот торговый центр в принципе ходить не будет, чтобы случайно кого-нибудь не встретить. Знакомые лица ей не нужны.

На телефон ей пришло сообщение от соседки Надьки. Сообщения от неё никогда не были к добру, а сейчас тем более.

– Рита ты охуела

– Что?

– Ты бля вещи мои какова хуя береш

– Ничего я не брала, больно мне оно надо. – Но Рита брала и знает об этом.

– Я давно тебя падазревала ты охуела тварь сука

– Отъебись. – И она понимала, что в своих пристрастиях зашла слишком уж далеко. Брать вещи тех, с кем ты живёшь и работаешь, было отвратительной затеей. Но у них был такой запах... Вот результат. Надо было потерпеть и взять себе за правило не прикасаться к чужому и не посягать на личное пространство других, как говорится, не сри там, где ешь. И думала же, что никто её за этим занятием не заметит. Ошиблась. Дважды.

– Уёбывай из квартиры и вещи свои заberi с собой сука ты блядская

– Иди нахуй. – Прекрасные у них отношения, ничего не сказать.

Так, дела стали ещё хуже. Без работы и без жилья... что дальше? У неё пока есть деньги, с пребыванием где-нибудь проблем не будет, Рита всё-таки не безмозглая, чтобы остаться с ничем и жить от зарплаты до зарплаты. Но ситуация её заметно напрягает. Как это решить прямо сейчас? Никак? И что важнее – работа или дом? Доказывать свою невиновность не получится, да и бесполезно это всё. Раз так вышло, то надо перетерпеть это и пойти дальше. Ей не привыкать терпеть.

Просидела ещё какое-то неопределённое количество времени, а в голове даже мыслей нет никаких по этому поводу, только ощущение, будто кто-то бьёт деревянным молотком по большой пустой кастрюле. Сложила ногу на ногу и покачивала серой кроссовкой в сеточку, из-под которой видно

короткий розовый носочек. Не с кем даже поделиться своими мыслями. У Риты нет друзей, подруг, приятелей, знакомых. Нет даже тех людей, с которыми она бы могла сейчас поговорить. Так, только коллеги с работы. Бывшей, простите. Были ещё собутыльники, с которыми она иногда бывала на вписках. И то она там присутствовала больше для того, чтобы получить доступ к чужим носочкам и кроссовкам. Слишком сильно напиваться для такого необязательно. Как только большинство уже валялось в отключке, Рита могла даже остаться наедине с чужими вещами.

Но случались в её жизни моменты, когда она всё-таки изрядно нажиралась. Ей стыдно думать об этом, но в то же время в какой-то степени ей нравилось такое. Рита как напьётся, надевала чужие носочки, иногда и чужие кроссовки. По понятным только для неё причинам она возбуждалась от такого и тогда уже вполне готова отдаться кому-нибудь. Хотя бы здесь она оставалась честной перед собой – она ходила на вписки не только получить разного рода удовольствия, но и здорово потрахаться.

На какое-то время это помогало ей даже прийти в себя и жить нормально. До тех пор, пока желание снова не овладевало ей, и она не начинала смотреть голодным взглядом на прекрасные кроссовки и носочки мимо проходящих девушек. Рита могла в такие периоды тратить на просмотр интернет-барахолки до двух-трёх часов подряд. Если ей очень сильно хотелось чужие кроссовки, то она высмат-

ривала не просто любые или первые попавшиеся. Кроссовки должны были понравиться ей, чтобы она в них влюбилась. Какая-то искра чувств должна появиться. И все самые красивые она откладывает в избранное.

Сейчас Рита грустила. А когда Рита грустила, она знала, каким образом побороть свой негатив. Фетиш уже радостно махал ручкой и подсказывал, что надо делать. В такой дурацкий день, когда всё пошло наперекосяк, нужно расслабиться от души. Дать волю своим фантазиям и желаниям, перезагрузиться. Рита знала, куда она сейчас позвонит. На её лице от предвкушения заиграла лёгкая похотливая улыбочка. Все проблемы в её жизни решаются и успокаиваются с помощью этого. С помощью какого-либо секса в любом его проявлении. Если использовать это годами в качестве своего рода средства по борьбе с грустью, то всё вставало на свои места.

Рита набрала нужный номер по памяти, она не хотела сохранять его в телефонной книге, будто так она замарается ещё больше.

– Алё, привет, – говорила она со знакомой, у которой каждые выходные происходили вписки и прочие вечеринки. – Вы сегодня как?

– В ажуре. – Захихикала. – Только возьми с собой что-нибудь, окей?

– Не вопрос. – Рита подсчитывала в голове примерное количество денег, которое она может потратить на алкоголь. – Водку? Сок?

– Давай и то, и то. Коктейльчиков намутиим. – Девчонка говорила кому-то на фоне «за стаканчиками ещё сходи!». – Так, ты во сколько придёшь?

– Да хоть сейчас. У меня очень хуёвый день.

– Понимаю. Приезжай, будет самый лучший.

Вот так легко и непринуждённо Рита отправилась на очередные гулянки. Не знала она, что гулянки эти окажутся у неё последними.

Ближе к вечеру в ту квартиру стекались разные ребята, кого-то Рита уже знала. С кем-то она уже не раз проводила ночь. А вот девушка, кроссовки которой она уже пробовала. Так что компания подобралась наполовину знакомой. И, понятное дело, Риту в этой компании уже тоже знали. Срубить её наповал алкоголем считалось практически непосильной задачей, ведь она контролировала себя всегда. Даже тогда, когда раздвигала ноги перед ребятами, она всё равно была пьяная не до такой степени, чтобы валяться в отключке. Рита никогда не хотела быть мясом, но она сама не знала, чего желала на самом деле. Её жизнь в этот момент состояла только и целиком из удовлетворения своих животных потребностей.

Постепенно очередной праздник жизни начался сам собой. Кто-то открыл пиво, кто-то вышел покурить. Рита по традиции смешивала простейшие коктейли из дешёвого виски и колы, водки с шампанским, всё в таком духе. Она предпочитала сама пить водку с томатным соком, потому что

так выходило будто бы не на пустой желудок. Заказали пиццу, приехали с доставкой суши и роллы. Так что Рита сегодня вечером смогла даже вкусно поесть.

Понятное дело, что редко кого-то интересовал внутренний мир тех девушек, которые приходили в эту квартиру. Вот и с Ритой была та же история. Парни видели только обложку, с обложкой было всё в порядке. То, что внутренний мир девчонки пропущен через жернова и трижды переработан, никого уже не волновало. Да и она сама в эти моменты интересовалась только одним. И в отличие от других девушек просто сразу говорила о том, что она хотела прямо сейчас, и как сильно чесалось у неё между ног.

Полночь. Две новенькие уже не соображали, что с ними происходило, и Рита внимательно за ними пронаблюдала. Одна из них, блондинка среднего роста с накаченными губами, сегодня пришла в очаровательных высоких кроссовках с чёрными и розовыми вставками. Удобно и то, что были на ней капроновые носочки. Для Риты это означало зелёный свет на то, чтобы эти носочки с девушки снять, капроновые всегда приятно потрогать. А потом надеть на свои ножки. И понятно, что китайские кроссовки на платформе не очень хорошо вентилируются, это значит, что запах будет великолепный.

Блондинка выключилась через двадцать минут в другой комнате. Времени у Риты немного – скоро придут те, кому нужно пьяное женское тело. Поэтому она незаметно для

остальных, а сделать это было нетрудно, проскользнула в соседнюю тихую комнату с кроватью, где спала пьяная в ноль девушка. Рита приблизилась к её заветным ножкам, от которых пахло дезодорантом и чем-то несвежим, пробивались и нотки невымытых пальчиков, за которыми мало следили. Правда, в этот раз в самой Рите было больше водки, чем обычно. Сняла с неё один капроновый носочек, засунула в рот и обсосала его, наслаждаясь вкусом. Она ещё не прикасалась к кроссовкам, но уже была готова к тому, чтобы с кем-нибудь уединиться.

Рита выперлась из комнаты и подошла к уже знакомому парню, с которым они были ночью в прошлый раз.

– Пошли ебаться, – она говорила прямо.

– Ого. Ты сегодня выпила больше обычного?

– День был хуёвый. Пошли, я уже мокрая.

Дальнейшие разговоры ни к чему. Рита повела парня за собой в ту же комнату, где спала блондинка. Действия у неё были ещё короче разговора – Рита быстро сняла джинсы вместе с трусиками, скинула их рядом с кроватью и легла на спину. Взглянула ещё раз на блондинку и вспомнила вкус её замечательных милых ножек, отчего почувствовала себя готовой.

Рита не считала себя мясом, но сейчас была именно им. Над ней трудился в поте лица парень, имени которого она даже не знала. Она чувствовала его внутри себя, он толкал её с одной амплитудой – спасибо ему за это. Долго толкал.

Даже за грудь её трогал и тело поглаживал периодически. Но Рите было нужно не это. Ну, хотя бы своё дело он сделал достаточно быстро, кончил в неё и отошёл более чем довольный. Даже если ей немного на живот попало, она всё равно улыбалась. И почувствовала, что ей мало. Ещё потому, что до неё окончательно дошёл весь тот алкоголь, который она пила сегодня вечером.

Сюда примешался ещё и плохой день, и то, что Рита до конца так и не осталась удовлетворённой. Поэтому она вышла из комнаты как есть. По ляшкам у неё текла чужая сперма. Схватила со стола бутылку пива, чтобы, так сказать, шлифануть напоследок. А затем шатающейся походкой доковыляла до коридора, где стояли высокие белые кроссовки с чёрными и розовыми вставками. Шнурочки у них, конечно, уже стали грязные. А мягкая ткань задника провалилась внутрь – блондинка любила обуваться без ложки и никогда не развязывала шнурки. И правильно сделала. Рита бережно провела ножкой по кроссовке и затем с трепетом примерила обувку. Влажные внутри, в таких пальчики потеют. По лицу Риты расплылась глупенькая улыбочка. Теперь девчонка стояла в этих высоких кроссовках и никак не могла налюбоваться. Она сделала несколько больших глотков из бутылки шампанского с кухни. А на выходе из коридора столкнулась с кем-то из парней и поволокла его за собой в другую комнату, где вскоре уже совсем перестала отдавать себе отчёт в том, что она творила и в каком состоянии находилась.

Когда Рита очнулась, то не сразу поняла, где находится. Конечно, эта компания ей понравилась, но вот вкус спермы во рту – не очень. Девчонка местами была в чём-то склизком и засохшем. Из одежды на ней только один капроновый носочек, в общем-то и всё. Промежность неприятно ныла. При попытке присесть на кровати Рита обнаружила, что ещё и задница болит. Что было ночью? Точнее... сколько их в ней было ночью? Вот такой вопрос более правильный. И сколько раз? Она ничего не помнила. Чувствовала себя мерзко и во всех смыслах отвратительно. Милые кроссовки на платформе валялись в комнате.

Рита с трудом надела на себя трусики. Протиснулась в джинсы. Нашла только один свой розовый носочек, а куда делся второй – загадка. Ладно хоть паспорт, телефон и кошелёк всё там же на месте – в карманах джинсов, хоть это не пострадало. Лифчик свой она тоже не нашла. Футболка вся помятая и со следами спермы, всё ясно. От этого Рите стало ещё более мерзко.

В гостиной всё выглядело прилично, никто ничего не разбил. Парни в основном разошлись, осталось двое незнакомых, которые тоже спали, но на диване. Очухалась от этого всего только одна Рита, и то она бы ещё поспала, но сон в такой ситуации абсолютно не шёл. Девчонка дошла до ванной и увидела в зеркале самую настоящую шлюху. Макияж поплыл, а помада размазана так, что стало многое понятно, у неё ещё и волосы слиплись. И почему во рту так гадко, так

липко между ног и между ягодич. И во что она только превратилась?..

Рите пришлось принять душ, но ощущение грязи не покинуло её. Хотя бы пропал этот едкий запах. Голову сушить не стала – не хотелось тратить на это время и хоть какие-то моральные силы. Сейчас на отражение в зеркале можно смотреть, но желания совсем нет. До чего она себя довела? И зачем? Что она сделала вообще, вот куда теперь себя деть? Всю ночь она развлекалась, а потом выключилась, и её продолжили трахать все парни, да не по разу. Она не хотела быть мясом, но сделала всё только хуже, тело для того, чтобы спустить в него и выбросить. На всякий случай ещё раз прополоскала рот «листерином».

В коридоре она обнаружила только одну свою кроссовку. Как ни искала по всей квартире вторую, так и не нашла. Но ей было так паршиво и так уже хотелось сбежать отсюда, что она вышла в одной. Мысленно попросила прощения у кроссовки. Хорошо, что не стала носить памятные или любимые, особенные, а пошла в тех, которые просто были удобные. Ещё мысленно попросила прощения у розового носочка, которому выпала миссия пройти по улице. Рита захлопнула за собой дверь и пошла прочь из этого места.

Она не первый раз в своей жизни идёт в одной кроссовке. Но первый раз в таком состоянии, когда от неё самой ничего не осталось. Работы нет, жилья практически тоже нет. Даже нет одного носочка и одной кроссовки. Пустота в душе.

Пустота в сердце. Она бы заплакала, но не может и этого. Для плача нужны силы, а их у Риты не осталось. Её жизнь – полное дерьмо. Всё, что в ней есть – это постоянное удовлетворение себя. В чём смысл? В кроссовках? Она жила ими. Жила только и исключительно ими, но так нельзя. Как жить чем-то другим? Но ведь сейчас ей не хотелось их. Не хочется ничего. Чему осталось место в жизни вообще? Даже если подумать?

Рита шла через дворы. Восемь часов утра субботы. Хорошо, что на улице тепло и сухо, солнышко встало и уже пригревало, накрывало теплом своими лучиками. Вокруг всё такое спокойное и жизнерадостное, что Рите от этого стало только больнее. Она считала себя грязной течной сукой. Чудовищем, которое сломано настолько, что ни один нормальный человек никогда не захочет иметь с ней дело. Она сама с собой тоже не хотела иметь ничего общего. И не видела больше в своём существовании никакого смысла. Всю жизнь она была отвратительной грязной похотливой сучкой. Как это началось в третьем классе, так и понеслось. Как запустилась её сексуальная привязанность к кроссовкам, так и поехало оно.

Рита прошла мимо помойки возле жилого дома и нашла там для себя убитые напрочь балетки. Сменила одну кроссовку на балетки, но... но как? Как её оставить?! Рита отошла на несколько метров, но обернулась. Серая лёгкая кроссовка в сеточку. Она же такая милая, как её можно положить

на асфальт рядом с мусорным баком? Никак. Поэтому Рита вернулась, засунула носочек в кроссовку, с ней в руке и пошла дальше. Куда? Это не имело значения. И как она только могла подумать о том, чтобы бросить кроссовку, да это же безумие. Точно такое же безумие, как и всё её поведение. И она ощущала, как где-то глубоко внутри неё снова поднимается это безудержное желание. Может, хватит? Только как сделать это «хватит»? Она не знала. Что она вообще могла сделать в этом состоянии? Разве что напиться. Возможно, в последний раз. Правда, алкоголь ещё долго не будут продавать, до одиннадцати утра сколько времени. И тогда Рита просто отправилась бродить по городу. Он всё равно очень большой, ей хватит.

Дурацкие балетки уже натёрли ноги. Но бросить их тоже невозможно – их же носила какая-то неизвестная девушка. Поэтому Рита первым же делом отправилась в ближайший гипермаркет и там купила себе новые лёгкие кроссовки. Так и жизнь стала чуть радостнее. Взяла себе и пару каких-то батончиков, и молочный коктейль. И пакет, чтобы сложить туда своё добро. С пакетом уже стало попроще, чем с кроссовкой в руках. Рита перекусила сразу на выходе из магазина за две минуты.

Дрейфовала в каком-то беспамятстве между домами, во дворах, по улице. А внутреннее желание чужих кроссовок и носочков только росло. Если всё уже кончено, то какой смысл себя останавливать? Может, купить себе какие-ни-

будь убитые в ноль кроссовки напоследок? Что-нибудь прекрасное... Напиться и забыться настолько, что, может, её зарежет кто-нибудь, или она утопится, попадёт под трамвай или машину, спрыгнет случайно с высоты. Чем не вариант. Поэтому Рита поехала на самый большой блошинный рынок в Европе. Пусть от её текущего места туда почти час езды на метро.

В метро Рита тоже сидела в каком-то внутреннем моральном тумане. И на улице на выходе из метро лучше себя не почувствовала. Обычно прогулки по рынку доставляли ей небывалое удовольствие – огромное количество чужих вещей за копейки. Она тут как-то купила восемь пар кроссовок за тысячу рублей, если сложить всё вместе. Здесь продавали абсолютно всё. Но сейчас... Рита купила какие-то золотистые кроссовки на платформе, которым было настолько плохо, что ясно – они на рынок перекочевали с помойки. И кто их носил – да какая разница, главное, что они женские. Рита переобулась чуть в сторонке за забором и тут же ощутила это особое чувство. На кроссовки даже смотреть стыдно, до того они уничтожены. Но Рита хоть немного, но довольна своей покупкой. Она кое-как дошла до платного туалета. Потому что ей очень хотелось как можно скорее оказаться со своими новыми кроссовками наедине.

В кабинке воняло говном и ссаниной. Но Риту никогда подобное не останавливало. Она смотрела на кроссовки и прикусила губку. Расстегнула джинсы. Запустила руку в труси-

ки и начала поглаживать себя. Много времени это никогда не занимало. Ох уж это невероятное чувство... Сняла с левой ножки кроссовку, провела по ней пальчиком, как же это великолепно, даже если ткань уже порвана, а часть позолоты осыпалась. Даже если подошва скоро отправится в свободное плавание. Даже если носок давно уже отклеился. Даже если они откровенно грязные. Рита любила, когда они грязные. Такие же, как она сама. Ей потребовалось не больше пяти минут. И руки тут же сразу помыла, как удобно.

В одиннадцать Рита зашла в продуктовый магазин и купила себе несколько алкогольных коктейлей. Два из них выпила после кассы почти залпом. И всего через двадцать минут ей стало... не то, чтобы легче, но по-другому. Более благостно. Потом ей в голову взбрело купить тест на беременность. Всё-таки столько народу в неё спустило, надо бы провериться. Она не знала тонкости, что проявляется это не сразу, она не засекала моментов, когда у неё наступила задержка, не задумывалась о последствиях. Просто приковыляла в ближайший торговый центр, заперлась в туалете, вместе с тестом обоссала себе руку и дождалась результатов. Беременна. В голове не промелькнуло никаких сомнений в том, что с этим делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.